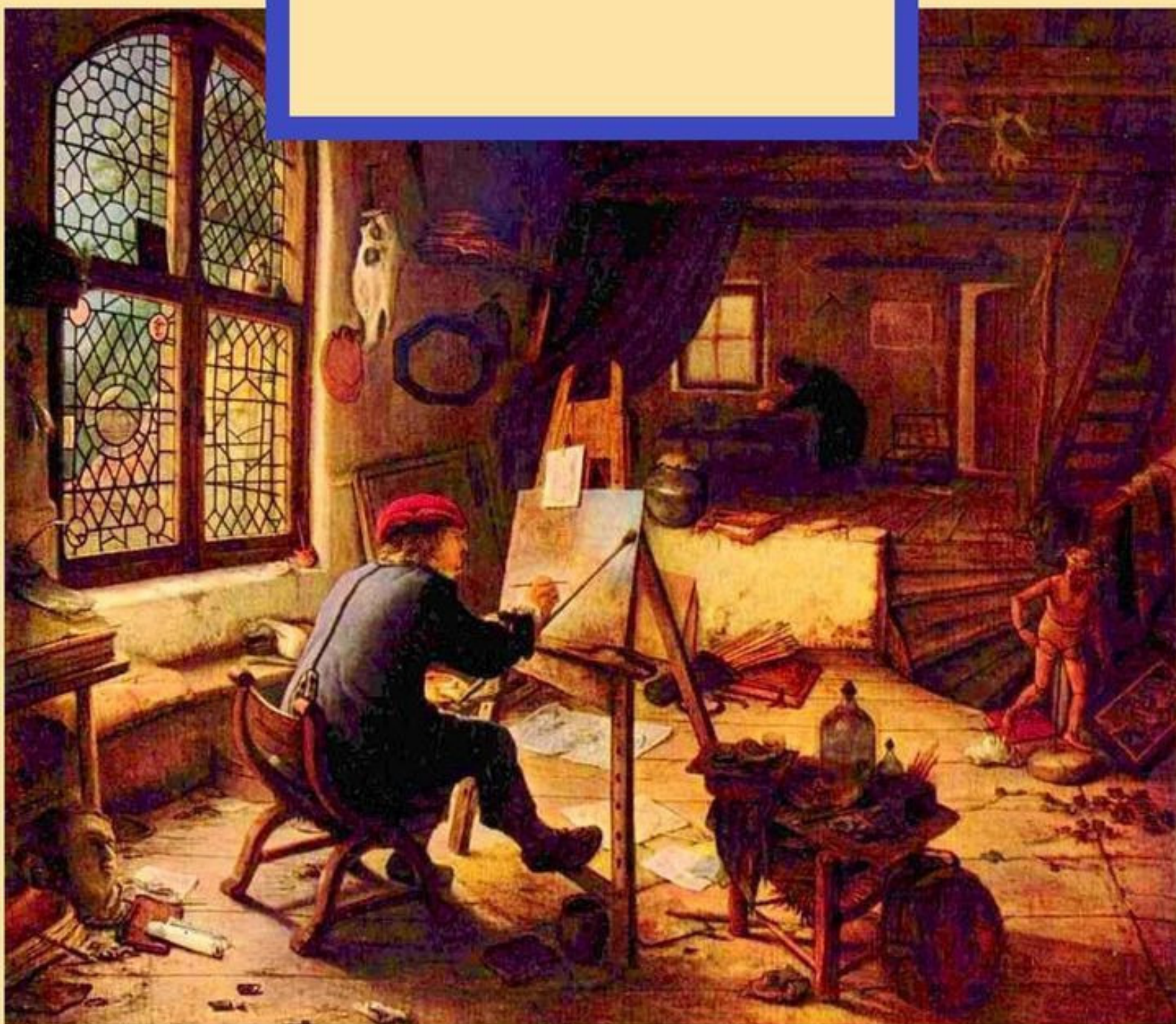

18+

Игорь Шиповских

**Пять сказок
о художниках**

Игорь ШИПОВСКИХ

Пять сказок о художниках

«Издательские решения»

Шиповских И. Д.

Пять сказок о художниках / И. Д. Шиповских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983758-5

Сказки о творчестве и волшебстве, о коварстве и борьбе, о настойчивости и успешной судьбе, о том, как искусство помогает преодолеть невзгоды и обрести счастье. И, разумеется, о любви, которая порой, как вспышка метеора, поражает нас и не отпускает уже никогда. А действия этих историй происходят в сказочных и реальных королевствах, где возможны не только чудеса, но и самые настоящие, подлинные вещи, от которых на душе становится тепло, разум призывает делать добро, а сердце рвётся к прекрасному...

ISBN 978-5-44-983758-5

© Шиповских И. Д.
© Издательские решения

Содержание

Сказка о волшебном художнике Ингваре и юной принцессе Марии	6
Сказка о прекрасной княжне Даше и загадочном художнике Пьере	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пять сказок о художниках

Игорь Дасиевич Шиповских

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2020

ISBN 978-5-4498-3758-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о волшебном художнике Ингваре и юной принцессе Марии

1

Может, кто знает, а может, и нет, но только в те стародавние времена, когда на Земле правили славные короли, процветали доблесть и искусства, а честь ценилась выше, чем жизнь, в одном прекрасном городке на берегу живописного озера жил и творил непревзойденный маэстро кисти и холста юный художник по имени Ингвар-великолепный.

Нет, ну, конечно же, приставка «великолепный» появилась у него не сразу, а постепенно, хотя и по праву. Вначале его звали просто и ласково – малыш Ингвар, и было ему тогда четыре года. А его путь к великолепию начался в тот самый момент, когда он, гуляя вместе со своей матушкой по берегу живописного озера случайно взял в руки крохотную щепку от обломка ветки ракиты, коих кругом произрастало великое множество.

А так как на берегу озера имелся песок то и первый рисунок Ингвара случился именно на нём. Лёгкими и сначала неловкими движениями маленький Ингвар быстро начертил на песке что-то на вроде лодки, какая в это время проплывала по озеру. Ну а дальше больше, и уже через минуту рядом с лодкой Ингвар отобразил, и само озеро, и его берега, и даже лес что рос неподалёку.

Вот таким образом на свет появился первый в его жизни пейзаж. Матушка, разумеется, сразу же заметила, что сделал её сынок и какие возможности за этим скрываются, а потому тут же на ближайшей ярмарке купила ему краски, кисти и полотна, в общем, всё то, что необходимо для развития таланта у малыша. И вот тут-то Ингвар проявил все свои незаурядные способности. Его стремление к прекрасному было неудержимо, он с утра и до ночи только то и делал, что рисовал и рисовал. Настойчиво, мазок за мазком, осваивал он сложное и почётное ремесло художника. И эта его страсть к искусству превратилась в смысл всей его жизни.

А меж тем время шло, пролетели незаметно годы, и из маленького мальчика с ракитовой палочкой в руках, вырос непревзойденный мастер художественной кисти. И теперь в свои двадцать с небольшим лет он по своей манере писать картины и отображать красоту природы обогнал всех маститых художников, что на тот момент обитали в королевстве. Слава о его таланте неслась впереди его, а вести о его неподражаемых способностях побуждать в людях наилучшие чувства гремела по всему королевству.

И вот именно за эти его особенные способности народная молва нарекла его «великолепным». Все, от мала до велика, знали Ингвара и всегда восхищённо принимали его новые картины. Крестьяне, ремесленники и просто бедные жители королевства частенько встречали его в поле или лесу где он писал свои пейзажи. И там же наблюдая, как он творит, нередко наслаждались его искусством. Ну а знатные богачи и вельможи зазывали его к себе в замки и дворцы писать их портреты и батальные сценки, в коих эти богачи выступали в роли победителей драконов или же троллей.

Уж такие были в королевстве времена, каждый у какого имелись большие деньги, непременно мнил себя героем-победителем. Хотя, несомненно, наиболее важными и полезными для королевства, были простые люди; крестьяне-пахари, умельцы-кузнецы, ремесленники всех мастей, именно на них и держалась вся основа государства. Но и те и другие, и богатые, и бедные, очень почитали талант Ингвара и относились к нему с огромным уважением.

– Вон смотрите-ка, ... опять наш Ингвар в поле пошёл свои удивительные пейзажи рисовать ... – не раз заметив его идущего на природу, говаривали простые люди.

– А мне Ингвар-великолепный новый портрет написал, ... там я на вороном жеребце гарцую! А мне он корону не хуже чем у герцога изобразил... – с особым гонором бахвалились меж собой богачи.

Однако самого Ингвара мало волновало, что говорят за его спиной, он с таким упоением относился к своему ремеслу, что всё остальное было для него полным пустяком. И более того ему было абсолютно неважно кто это говорит, богач или бедняк, он одинаково ровно почитал всех. А ещё его совершенно не заботило, сколько ему денег заплатят за его картины, он всё равно тратил их все на краски и полотна, ему хотелось только одного, рисовать и рисовать, на всё прочее у него просто не хватало времени. Да что там на прочее, у него даже и своей возлюбленной девушки не было, уж так он был предан творчеству.

Хотя, нельзя сказать, что он был какой-то там отшельник или же внешне не интересен. Как раз наоборот он был хорош собой, высок, строен и очень даже привлекателен. Многим девушкам он нравился, и не просто нравился, а так симпатизировал, что они его боготворили и влюблялись без памяти. Однако Ингвар был к ним холоден и всегда держался с ними корректно, уважительно и почтено. И опять-таки, для него было не важно, кто был перед ним, крестьянка ли, ткачиха, дочь мясника или же молодая фрейлина из знати. Дальше чем до простого написания портретов дело не доходило, никаких любовных похождений лишь чистое искусство.

– Моя любовь, моя страсть – это творчество, ... моё сердце на веке принадлежит живописи, ... моя невеста – это палитра с красками, ... моя жена, природа... – так он отвечал на вопросы любопытных почитателей, о его планах на женитьбу. И речи не было, чтоб он мог в кого-либо влюбиться и посветить себя чему-либо другому кроме как искусству. Вся его жизнь была подчинена только краскам, холстам, кистям и творчеству. И всё бы, наверное, так и шло дальше, и так бы оно продолжалось, как вдруг история приняла неожиданный оборот.

2

Пока Ингвар наивно полагал, что всё в жизни крутится только вокруг искусства и красоты, в это же самое время в королевском дворце шла своя жизнь, и в ней так же, как и во всякой другой были свои радости и грусти с печалью. Хотя надо признаться, радостей в дворцовой жизни было гораздо больше чем печалей.

Вот и нынешнее утро было ознаменовано радостным предвкушением приближающегося праздника. А праздник тот был ничем иным, как торжественным карнавалом по случаю дня рождения дочери короля, юной и прекрасной принцессы Марии. А исполнялось ей семнадцать лет, и такой возраст в королевстве считался возрастом совершеннолетия, а это означало, что принцессе пора выдавать замуж. И уж тут не трудно догадаться, что этот карнавал устраивался неспроста. На него было решено пригласить всех видных и значимых женихов из ближайших королевств. Различного рода виконтов, маркизов, баронетов, величественных герцогов, и прочих именитостей.

Однако наипервейшим приглашённым, должен был стать родовитый принц из соседней державы. На него возлагались особые надежды. Он слыл наследником большого состояния, а потому в нём видели главного претендента на руку и сердце принцессы. Ну а чтобы этот главный потенциальный жених смог заранее лицезреть, к кому на смотрины он приглашён, король принял решение отправить ему роскошный и красочный портрет принцессы Марии. Ну и, разумеется, для написания его во дворец был приглашён сам Ингвар-великолепный, ведь лучше его с этой задачей не справился бы никто.

Ингвар, несомненно, был польщён таким приглашением и, конечно же, не замедлил явиться во дворец. А там его уже ждали. В большом тронном зале, по такому случаю, специально для принцессы установили большое расшитое золотом кресло, а в качестве именитых гостей изъявивших желание созерцать сие творческое действие были приглашены важные вельможи королевства. Здесь собрались, и гордые графы, и франтоватые маркизы, и придворные

фрейлины, приковылял даже старый дядюшка принцессы, напыщенной седой герцог с сизой бородой. И все они горели желанием воочию увидеть, как будет написан портрет.

И вот, едва Ингвар вошёл в тронный зал, как тут же оказался в окружении столь великосветской компании. Однако это его ничуть не смутило, ведь многих из присутствующих он уже неоднократно рисовал, и потому они были ему хорошо знакомы. Тепло и радушно, поприветствовав их, Ингвар быстро установил принесённый им мольберт, и удобно расположив на нём холст, принялся готовить краски. Сама же виновница торжества, принцесса Мария, как это и было у неё заведено, «слегка задерживалась».

А надо заметить, что это была одна из её налюбимейших привычек, уж больно ей нравилось, чтобы её подольше подождали. Впрочем, принцесса и без этих своих привычек обладала невыносимо скверным и взбалмошным характером. Хотя внешне она была очень мила и приятна. Кукольное личико принцессы вызывало у многих обитателей дворца неопишущий восторг. Её голубые небесного цвета глаза, и светлые, словно пшеничное поле волосы, в сочетании со слегка вздёрнутым вверх прелестным носиком и алыми припухлыми губками, приводили в восхищение поголовно всех юношей, что когда-либо видели её.

И вот такая расчудесная красавица, вдобавок ещё и наделённая точёной, стройной фигуркой имела множество несносных повадок. Зачастую своими капризами она просто-таки сводила с ума короля и королеву, да и весь двор в придачу. Бывало, и то ей не эдак, и это не так. А уж как она любила издеваться над прислугой, так об этом вообще ходили легенды. То возьмёт да уколет какую-нибудь фрейлину булавкой, то ради смеха заставит кукарекать лакея. И ведь никто ей не мог дать отпора, а то как же, ведь она не абы кто, а принцесса.

По королевству даже пошли слухи, мол, ещё в её младенчестве, король нечаянно разозлил какую-то злую колдунью, а она, дабы отомстить ему напустили на принцессу порчу. Вот такая ходила молва. Но было ли это на самом деле или же то придумка, никто точно не знал. А тут такое дело случилось, возникла срочная необходимость написать новый портрет. Ну и, разумеется, принцессе вновь захотелось показать свой норовистый характер. Прошло уже полчаса, а её всё так и не было.

Ингвар неспешно закончил все свои приготовления, и изредка перекидываясь с окружающими непринуждёнными фразами, терпеливо ожидал её прихода. Можно было подумать что принцесса вовсе и не собирается появляться, до того медленно тянулось время. Но вдруг дверь, ведущая в спальные покои, резко отворилась и из неё на всём ходу выпорхнула принцесса.

– Ну что же, пора бы и начинать, ... а то у меня сегодня ещё и конная выездка намечена! – даже не поздоровавшись, и не извинившись, слегка негодуя, воскликнула она. Однако, невзирая на это, все кто сидел, встали и, поприветствовав её, склонились в изысканном поклоне. Ингвар также как и все, спокойно и учтиво склонил голову. Но когда он её поднял и внезапно взглянул на принцессу, с ним произошло нечто невероятное. У него резко перехватило дыхание, во рту пересохло, а сердце забилося так, словно он без перерыва пробежал целую милю.

Невероятные ощущения охватили его. Какая-то теплая волна предвкушения радости прокатилась по всему телу, и, обдав его с ног и до головы трепетом, разнеслась пунцовым румянцем по щекам. Ингвар замер, и оторопело уставившись на принцессу, не смог вымолвить и слова. Такой красоты, такого очарования, он ещё никогда в жизни не видел, принцесса просто-таки сразила его своим великолепием.

Её красота стала для него полной неожиданностью. И это действительно было так, ведь до этого дня он никогда с ней не встречался, просто потому, что никогда не был во дворце, а все детские портреты принцессы раньше писал старый придворный художник. Однако сейчас был особый случай, как-никак совершеннолетие, и потому позвали его. А он бедняга стоит, и пошевелиться боится. Ну а принцесса, словно ничего не замечая спокойно в кресло, для неё уготовленное, усаживается и тут же кривляться да жеманиться начала. И так-то повернётся, и эдак сядет, озорничает, дразниться, смеётся, и всё личико ему своё прекрасное показывает.

– Ну и как же мне художник для тебя лучше устроиться, ... может так ... или же вот так ... – видя, в каком затруднительном положении он оказался, широко улыбаясь, спрашивает она. Ингвар же от её белоснежной улыбки ещё больше смутился, и от волнения уже совсем дышать перестал, стоит, только глазами хлопает. А король, почуяв такую заминку с его стороны, сразу на помощь ему поспешил. Встал рядышком, и приветливо похлопав по плечу, спрашивает.

– Ну что же ты Ингвар, ... когда начнёшь? ... давай уж дружок, приступай, ... мы все тебя ждём ... – тихонько так шепчет ему на ухо. Ингвар как от забвенья очнулся, головой встряхнул и дрожащим голосом отвечает.

– Да я ваше величество сейчас, ... вот только дыхание переведу, ... принцессу усажу, ... да и начну ... – сказал, и еле передвигая ноги, к креслу принцессы направился. Подходит, руку ей протягивает, и показывает какое положение надо принять. Но от такого близкого нахождения рядом с ней ему только ещё хуже стало. Румянец на щеках пуще прежнего выступил, сердце так затрепетало, словно выскочить захотело, ладошки вспотели, а язык заплетаться стал.

– Ох, принцесса, ... сидите уж, как вам заблагорассудится, ... а я постараюсь справиться ... – пролепетал он да быстрее к мольберту отошёл. Берёт палитру с кистью в руки, и первый мазок нанести старается. А руки-то его не слушаются, он даже и этого-то сделать не может, не то, чтоб целиком портрет написать. Совсем смутился Ингвар, осознал, что ничего-то у него сегодня не получится, уж настолько сильно волнение сказалось.

Бедняга ещё и сам не понял, что это его так любовь захватила, ворвалась к нему в душу и сломала всю его прежнюю спокойную безмятежную и размеренную жизнь. Впрочем до этого он что-то слышал о таком чувстве, но сам никогда и ни разу его не испытывал, вот потому-то он сейчас так и растерялся. Попытался, было, успокоится и опять начать всё сызнова, но чувствует, не выходит ничего. От одного только озорного взгляда принцессы у него по рукам дрожь идёт.

– Простите ваше величество, ... но никак не смогу я сегодня портрет написать, ... что-то приболел, ... нет у меня сил, с этим справиться, ... нездоровиться мне ... – потеряв всякую надежду совладать со своими чувствами, печально обратился он к королю.

– Эх, ... ну что же, ладно, ... тогда уж потом, когда выздоровеешь, придёшь, ... хотя трудно тебе будет найти лекарство от этой болезни, ... уж она многим известна своей долгой продолжительностью ... – разумеется, догадавшись о том, что случилось с Ингваром, и какая болезнь поразила его сердце, лукаво улыбаясь, ответил ему король и ободряюще подмигнул.

– Ну, вот и прекрасно! Ты сам батюшка видишь, что с портретом не заладилось, ... видите ли, художник заболел! Значит, я могу спокойно идти к лошадям и заняться выездкой! – быстро вскочив с кресла, радостно воскликнула принцесса, и весело рассмеявшись, тут же помчалась проч. Хотя, убегая, она ещё один разок на прощанье бросила скорый взгляд на Ингвара.

И было в этом мимолётном взгляде что-то такое пронзительно-неподдельное, что-то проникновенно-грустное, словно принцесса вовсе и не хотела никуда уходить, а в силу своей строптивости вновь закапризничала и убежала. В блеске её глаз мелькнуло какое-то невысказанное сожаление, какая-то молчаливая досада на то, что ей приходится так поступать, что она не может хотя бы на миг задержаться и вопреки своему желанию должна уйти.

Но как бы там ни было, принцесса покинула тронный зал. А вслед за ней как по команде стали расходиться и остальные. Король же посетовав на то, что всё так неудачно вышло, деликатно проводил великосветских гостей и тут же обратился к Ингвару.

– Вижу, друг мой ты попал под влияние красоты принцессы, ... а попросту влюбился в неё! Эх, сынок, ... любить принцессу это великий труд, и тебе будет тяжело с этим справиться, ... ты уж поверь мне, это я тебе, король, говорю! Ведь я и сам когда-то был влюблён в принцессу, ... правда, теперь она моя королева. Ну а тебе, наверное, лучше всего будет забыть сегодняшнюю встречу, ... постарайся увлечься чем-нибудь другим, простым и близким для

тебя. Да, и не держи обиды на принцессу, ... на самом деле она не такая вредная, как это может показаться на первый взгляд. И ещё знай, чтобы там не случилось, двери моего дворца всегда для тебя открыты. ... – сочувственно вздохнув, заключил король, и на прощанье, пожав Ингвару руку, тоже покинул зал.

И только теперь у Ингвара окончательно исчезла его скованность и напряжение. Он моментально собрал все свои пожитки и быстро покинул дворец. Вернувшись, домой он ещё долго не мог ничего делать кроме, как вспоминать принцессу.

– Да легко королю говорить забудь, ... а как тут её такую забудешь, ... какие глаза, ... какая улыбка, а какая у неё походка, словно не идет, а плывёт. Ах, я глупая моя голова, ... и угораздило же меня влюбиться, ... жил себе и не знал ничего, а тут на тебе! И что же мне теперь делать-то с любовью этой, ... и ума не приложу. ... – сокрушался он, ощущая как сладко и тоскливо, ноет его сердце. Так прошёл остаток дня, и так закончилось его первое знакомство с принцессой; нечаянной любовью, трепетными переживаниями и грустным разочарованием.

3

Ну а на следующий день, король, более никого не приглашая во дворец и никого не дожидаясь, велел заказать портрет старому, но надёжному придворному художнику. Уж больно поджимало время, ведь до карнавала оставались считанные дни. А старый художник, долго не мудрствуя, черты лица принцессы ему были хорошо знакомы, взял, да и буквально за несколько мгновений набросал её портрет, и как раз такой, какой мог бы удовлетворить любые пожелания. Тут же этот портрет подсушили, подпудрили и аккуратно упаковав, оправили тому самому родовитому принцу из соседней державы.

Ну а сам принц в это время выехал на очередную охоту. Уж больно он любил такое занятие и придавался ему весь, без остатка. Надо признаться ничем другим он и не интересовался, всё другое ему было просто чуждо. К праздным балам, танцам, и прочей светской кутерьме он относился с неподдельным безразличием. Зачастую он надолго уезжал в лес в свой охотничий домик и там вместе с придворными егерями целыми неделями придавался любимому занятию. Они жгли камин, пили горячий грог, жарили на вертеле дичь, а когда она кончалась, то опять шли на охоту и добывали её. Такая беззаботная ненавязчивая жизнь полностью устраивала принца.

И вот этой его беспечностью и безразличием к государственным делам решил воспользоваться первый министр королевства, вездесущий маркиз де Карамболь. О, то был хитрый, изворотливый, коварный и мрачный человек. Однако эти его качества не помешали ему быть одновременно и подбострастным слугой, и заискивающим угодником. Ловко умея манипулировать человеческими слабостями принца, он быстро достиг высокого положения при его дворе.

Лестью, низкопоклонничеством, а иногда и откровенным подхалимажем он прибрал к своим рукам практически всю власть в королевстве и стал ведать дворцовыми делами принца. Но не только ими, ещё он занимался его казной, его нарядами, его охотничьим снаряжением, луками, стрелами, арбалетами, и даже семейные отношения принца оказались под пятой лукавого маркиза.

Несомненно, в королевстве были ещё и король с королевой, родители принца. Однако они были настолько стары и безвольны, что под влиянием маркиза переехав в свой дальний замок, жили там обособленно и в государственные дела не вмешивались. Ну, разумеется, хитрый Карамболь не мог оставить их без своего внимания и был прекрасно осведомлён о том, что делается замке. А потому, когда гонец из соседней державы доставил королю и королеве для их сына приглашение на карнавал и портрет принцессы, маркиз тот час узнал об этом и немедленно ринулся к ним.

– О, позвольте, я сам возьму и в лучшем виде преподнесу это нашему несравненному принцу ... – буквально в одно мгновение, оказавшись в замке, льстиво заявил он королю с коро-

левой, и нарочито раскланявшись в глубоком реверансе, изящно отобрал у них портрет с приглашением. Бедные монархи и рта не успели открыть как Карамболь, хлопнув дверью, тут же выскочил вон.

– Ха-ха! Двоих одним ударом, ... вышиб из этих полоумных стариков для себя сразу две полезные вещи, ... приглашение в роскошную жизнь и портрет своей будущей невесты... – уносясь, прочь от замка, ехидно шептал он себе под нос. Этот хитрец давно уже ждал удобного случая, чтобы обманом и подлогом заполучить себе в жёны какую-нибудь великосветскую даму или же знатную особу, а тут на тебе, красавица принцесса сама плывёт в руки. Конечно же, Карамболь сразу смекнул, что он без труда сможет попасть на карнавал, а там переодетый в какой-нибудь маскарадный костюм, уверенно выдавая себя за принца, легко и быстро завладеет расположением принцессы.

И, несомненно, всё задуманное им получилось бы, ведь помещать ему в тот момент было просто некому. Настоящий принц как всегда кутил на охоте и возвращаться не собирался, а старые король с королевой были ему вообще не помехой. И маркиз тут же стал готовить свой коварный план. Решал и думал, как бы ему половчее заманить в свои сети принцессу, завладеть её сердцем, и уже вместе с ним прибрать к рукам и её богатства.

Казалось бы, ну зачем первому министру и маркизу королевства какое-то там богатство, ведь у него самого его полным полно, да ещё и неограниченная власть. Но в том-то всё и дело что Карамболь не являлся никаким маркизом, а был он простым и мрачным потомком ведуньи и чернокнижника. Более того его родной тёткой была та самая ужасная колдунья которая по слухам заполучила от славного короля тяжкую обиду и навела порчу на принцессу Марию. И вообще, вся родня Карамболя была сплошь тёмная сила, преследовавшая лишь одну цель, достичь богатства любой ценой. А потому и сам Карамболь был до мозга костей заражён безудержной жадностью к обогащению. Уж так сформировалась его натура – сколько денег ему не давай, ему всё мало.

Ну а тут такая удача, теперь он мог через принцессу заполучить не только её саму и её состояние, но и всё её королевство в придачу. А помощью ему в этом могло стать заклинание, переданное ему его старой тёткой колдуньей. Умирая в страшных мученьях, она завещала маленькому Карамболу древнюю тайну их рода, в которой говорилось о магическом заговоре на человеческую душу. Мол, если он, воспользовавшись этим заговором, завладеет душой и сердцем принцессы, тогда к нему перейдёт могучая и безграничная сила всех его колдовских предков.

И с тех пор это завещание стало для Карамболя навязчивой идеей. Он и на службу-то в соседское королевство отправился только для того, чтобы потом выслужившись до больших величин вернуться и, неузнанным, воплотить в жизнь древние завещанье старой колдуньи. Обманом присвоив себе титул маркиза, он долго и хитро выслуживался чтобы достичь того что он имел сейчас, а ведь это было нелегко. И вот теперь ему представился такой удачный случай, чтобы начать действовать. И он начал.

Дав должные указания своим слугам, подчиненным и лакеям он, основательно подготовившись, в назначенный срок отправился на карнавал. И отправился он не абы как, а так, что все кто был рядом с ним, совершенно не заметили его исчезновения, они, будто погрузились в забытие. Видимо сила его колдовских предков уже начала действовать на людей, предоставляя ему возможность выполнять задуманное. И можно было только догадываться, что с ними станет, когда мощь его колдовства достигнет своей полной силы.

Но, а сейчас, пока настоящий принц увлечённый охотой и грогом тешился в лесу, а его родители король с королевой ничего, не подозревая, спокойно дремали в замке, Карамболь во весь опор мчался на карнавал. И самое главное, в его руках был портрет Марии, ведь именно он служил доказательством подлинности приглашения на карнавал. И Карамболь, предъявив его во дворце, мог абсолютно беспрепятственно выдавать себя за принца.

4

А меж тем в самом дворце уже всюду кипела карнавальное настроение. Звучала торжественная музыка, повсюду развивались праздничные стяги и вымпела, съезжались именитые гости. Графы, герцоги, бароны, важные вельможи, и, конечно же, принцы. Но никто из них и на йоту не смог бы сравниться с Карамболом. Соперничать с ним было просто бесполезно, он был главным гостем и его ждали с особым интересом и нетерпением.

Король с королевой находились в тронном зале и, гордо восседая на своих монарших местах, принимали вновь прибывающих гостей. Принцесса Мария была рядом с ними и холодно скучая, позёвывала. А может и делала вид что скучает, пойдя, разбери их этих капризных принцесс, да ещё и на празднике-карнавале в её честь. Ну а так как это был карнавал, то и гости представлялись здесь не как обычно, вручая верительные грамоты, а просто и непринуждённо без титулов и чинов, с игривостью и лицедейством.

– Вас ваше величество приветствует шутник Арлекин и его подруга Коломбина! – восторженно отрекомендовалась очередная пара прибывших вельмож. И кто это был, герцог с герцогиней или же барон с баронессой, никого не волновало, главное, чтобы всем было весело и вольготно. Но вот пришёл момент и на входе в тронный зал показался маркиз де Карамболь. Ну и странный же наряд он себе подобрал для столь весёлого праздника. С ног до головы он был облачён во всё черное, и только подкладка его развивающегося плаща, отличалась кроваво-алым подбоем.

– Я вас приветствую ваше величество! Как ваше драгоценное здоровье, ... как аппетит и самочувствие... – с напыщенным видом подойдя к трону короля, небрежно отвесив полон и грубо ухмыльнувшись, произнес он нараспев. Однако увидеть его ухмылки никто не мог, ведь на его лице была чёрная маска.

– О, благодарю вас за приветствие, ... кто бы вы там ни были! Хотя, ... мне всё же любопытно кто же это вы такой, что так заботливо справляетесь о моём здоровье и аппетите? С виду вы вроде и ни лекарь, и ни кондитер, ... а так, лишь одно большой чёрное пятно с алой оторочкой... – задорно подтрунивая над гостем, и в тот же время как-то рассеяно спросил король.

Впрочем, это и понятно, ведь он одновременно смотрел на входные двери. Король с нетерпением ждал прихода того состоятельного принца из соседнего королевства, и наивно полагал, что он обязательно явиться в пышном и богатом одеянии, светясь весь золотом и драгоценными камнями. Но король никак не мог предугадать, что это будет всего лишь нечто напоминающее черную мрачную тень.

– О ваше величество я тот, кого сразу не узнают, но ждут с нетерпением! И уверяю вас, я именно тот, кто имеет право осведомляться о вашем здоровье и аппетите, не будучи лекарем или кондитером! Я ваше будущее и прошлое в одном лице, ... хотя истинного моего лица вам не увидеть до тех пор, пока я не заполучу вашего согласия на брак с принцессой... – по-прежнему уверенно чеканя каждое слово, важно заявил Карамболь.

– Ах, вот как! Вы меня заинтриговали! Ну, неужели этим своим витиеватым заявлением вы имеете право требовать у меня руки мой дочери, ... с чего бы это? – слегка возмущенно, но всё ещё в добродушном тоне, иронично спросил король.

– А вот с чего! – мгновенно отреагировал Карамболь, и еле заметным движением извлёк из складок своего плаща портрет принцессы, – не этот ли предмет даёт мне право быть главным претендентом на руку прекрасной Марии! – горделиво добавил он.

– Ну, так это же меняет дело, ... милости просим пожаловать к нам на карнавал дорогой принц! – тут же определив по портрету, что перед ним тот, кого он ждал, воскликнул король, и уже было хотел вскочить с трона, чтоб любезно поприветствовать гостя, как Карамболь жестом остановил его.

– О, что вы, ваше величество, не стоит! Сейчас мы все на карнавале и среди нас нет ни принцев, ни королей, ... теперь мы все просто маски, и нам не следует пренебрегать прави-

лами этого красочного торжества. Давайте оставаться в тайне неузнаваемости. И я прошу у вас прощения за моё чрезмерно сдержанное одеяние, ... не хотел привлекать к своей особе лишнего внимания, ... в моём понимании богатство и достаток не нуждается в гласности, деньги любят тишину, ... лишняя помпа здесь ни к чему. А теперь позвольте мне стать кавалером для её высочества очарования Марии и пригласить её к беседе... – мгновенно переведя разговор на принцессу, сохраняя ореол загадочности, томно заключил он и, не дав королю с королевой опомниться, быстро подошёл к Марии.

– У меня есть намерения немедленно развлечь вас, ... вижу, вы скучаете, а поэтому вам просто необходим весёлый сюрприз... – немного резко, почти бесцеремонно, заявил Карамболь и ловко, словно он, ярмарочный факир, взмахнув своим плащом, достал из него сыромятную уздечку украшенную жемчугом и серебром.

– О, несравненная Мария, я наслышан, что вы обожаете лошадей, ... вот примите от меня этот скромный подарок в знак нашего знакомства... – слегка склонившись в реверансе, вручая ей сбрую, заискивающе произнёс Карамболь. Плут заранее прознал про все привычки и пристрастия принцессы, и теперь ему ничего не стоило завладеть её вниманием и признательностью. И, разумеется, такой подарок быстро растопил холодность Марии.

– Ах, как изумительно! Какая вещь, ... да это же просто загляденье, ... как же должно быть замечательно она будет смотреться на моём любимом жеребце! Ну что за чудо, ... ах мне не терпится примерить её на него... – радостно разглядывая уздечку, не скрывая своего восхищения, затараторила принцесса. Матовый блеск жемчуга и серебра словно околдовал её, какая-то магическая загадочность струилась в нём.

– Так в чём же дело, ... идёте на конюшню, и прямо сейчас примерим её... – будто ожидая такой реакции Марии, моментально предложил Карамболь и для большей решительности протянул ей свою руку. Принцесса даже и раздумывать не стала, схватилась за неё, и быстро увлекая за собой Карамболя, тут же устремила на выход.

– Куда же вы? А как же карнавал?... – пытаясь их остановить, крикнул вслед король, но его призыв мгновенно затерялся где-то в шуме всеобщей суматохи карнавала.

– Да оставь ты их в покое, ... не видишь что ли, у них всё складывается как ты и хотел... – вежливо одёрнула его королева.

– О да, ты права, ... пусть идут, развлекаются, а мы с тобой пока с другими гостями разберёмся! Вон смотри, их уже целая вереница выстроилась... – миг успокоившись, откликнулся король, и уже совершенно не волнуясь за свою дочь, как ни в чём небывало, будто она ушла с кем-то таким кого они знали целую вечность, продолжил принимать скопившихся вельмож. Было совершенно очевидно, что король с королевой, попали под какое-то странное едва осязаемое, но такое действенное колдовское очарование своего чёрного гостя.

И это так, Карамболь с каждой минутой становился всё сильнее и влиятельней. Магические силы колдовства стремительным потоком наполняли его существо. И чем больше их в него вселялось, тем настойчивей он оказывал своё влияние на всех окружающих и, конечно же, в первую очередь на принцессу. Заклинание его старой тётки-ведьмы начинало действовать, и с каждой секундой это становилось всё заметней. Едва они с принцессой вошли в конюшню, как он, быстро отбросив в сторону все остатки бывшего приличия, развязано заявил.

– Ну что же, ... ты Мария давай примеряй мой подарок на своего жеребца, а я пока погляжу, что там ещё за лошади имеются! – резко перейдя в обращении на «ты», воскликнул он, и живо устремился к роскошному чёрному коню, что стоял неподалёку. Принцесса как будто ничего и не заметила, она даже и бровью не повела, услышав столь бесцеремонное восклицание.

– Да, пожалуйста, ... смотри, сколько тебе хочется. Мне-то что, ... это не мои кони, а батюшки... – также быстро перейдя на «ты», безразлично отреагировала Мария. Ей вдруг стало всё равно, как они будут общаться меж собой, главное её жеребец получит роскошную

сброю. Впрочем, и сам Карамболь был ей тоже безразличен. Она быстро поменяла уздечку и начала любоваться ей.

– Ах, как хорошо смотрится, ... просто удивительно, как она пришлась впору, ... словно для тебя и предназначена. ... – довольная обновой зашушукалась она со своим жеребцом, ласково поглаживая его по холке.

– И вправду, как будто для него сделана, ... а может тебе её прямо сейчас, и опробовать, ... чего тянуть-то. Я как раз и для себя коня приглядел, ... давай-ка отправимся на прогулку, ... да ну их всех с этим глупым карнавалом, ... поскачем по витой дорожке навстречу свежему ветру к зелёному лесу, ... а кто первый до него доберётся тот и будет лучшим наездником. Ну что, скажешь? Только ты, я и резвые кони. ... – еле слышно подкравшись к Марии со спины, подзадоривая её, завлекательно предложил Карамболь.

– А что! А я не прочь! Тем более что мой жеребец уже взнуздан! Ну, давай поскачем! И я докажу тебе кто из нас лучший! – поддавшись заманчивому предложению маркиза-хитреца воскликнула Мария, и совсем уже потеряв всякую бдительность лихо вскочила в седло.

– Эгей! Сейчас ты увидишь, кто быстрее домчится до леса! – напоследок крикнула она, и рьяно пришпорив своего жеребца, сорвалась с места. Карамболь тут же взметнулся на выбранного им чёрного скакуна и быстро бросился вдогонку. И хотя он был опытным всадником, и в нём клокотало уже немало магических сил, но нагнать Марию он смог лишь только у самого леса.

– Ну что принцесса, ... ты молодец, победила меня, ... как я погляжу, ты совсем и не устала. ... – сделав остановку, запыхавшись, польстил ей маркиз, – ну и куда же мы теперь дальше поскачем, ... может, отправимся ко мне в гости? У меня здесь неподалёку, сразу за леском, есть старый уютный замок, ... а при нём большая конюшня, ... там столько замечательных скакунов, ... ты таких ещё и не видела! Разных мастей, бока холёные, гривы кручёные, одно загляденье! Посмотришь, оценишь, ... а заодно и передохнём, сладкого напитка попьём. ... – не давая возможности отказать ему, тут же стал соблазнять маркиз принцессу новыми искусами, упорно заманивая её ещё дальше в свою ловушку.

– А, так ты говоришь, у тебя там лошади имеются! Ну и что же мы стоим, едем скорей смотреть! Но только ты уж давай не отставай, успевай дорогу показывай! – ничуть не сомневаясь в честности его приглашения, откликнулась Мария и, пришпорив жеребца, рванулась вперёд. Карамболь довольный плодами своего искусства кинулся вслед за ней.

И вскоре, они уже вместе, резво погоняя лошадей, стремительно преодолевали расстояние до его старого замка. А расстояние то оказалось немаленьким, вовсе не таким, каким он его обрисовал. Уже начало темнеть и на небосклоне показались звезды, а они всё скакали и скакали, даже не думая останавливаться. На принцессу как будто что-то нашло, она и мыслить ни о чём другом не могла, как только о тех скакунах коих ей обещал показать Карамболь. Такое состояние Марии было сродни заколдованному сну, и только достижение цели смогло бы пробудить её.

Но вот наконец-то впереди на фоне лунного неба показались дозорные башни старого замка-крепости. То был всеми забытый оплот древних рыцарей на границе двух королевств. В своё время об этом замке ходили легенды, однако хитрец Карамболь случайно обнаружив его, обставил всё так, что никто и никогда более о нём не вспоминал. Он утаил ото всех факт его существования и присвоил замок себе, впоследствии сделав его своей тайной резиденцией. И это было ему очень удобно, ведь замок находился на отшибе, в такой глуши, что дорогу к нему знал только он один. И вот именно этой-то дорогой они сейчас к нему и подъезжали. Прошло ещё несколько минут, и они оказались у ворот замка. Карамболь, быстро спешившись, открыл створ ворот и впустил Марию во внутренний дворик, где в тусклом свете луны мелькали какие-то странные тени.

– Это ещё что за такое, ... уж не те ли это кони о коих ты мне говорил? – не подозревая о грозившей ей опасности подтрунивая над Карамболом, спросила она и беззаботно спрыгнула с коня.

– О нет, это всего лишь летучие мыши! Они охраняют покой крепости, и если вдруг какой-нибудь чужак без спроса посмеет наведаться сюда, то ему несдобровать. Несчастный не уйдёт от их острых зубов. Мои крылатые сторожа загрызут его насмерть, уж так я их воспитал. Они признают только меня, и горе тому, кто посмеет ослушаться моих приказов! Ха-ха! Так что и тебе принцесса следует прислушиваться к моим словам, а иначе я просто отдам тебя им на растерзанье! – почувствовав свою власть, над беззащитной Марией, злобно рассмеявшись, дерзко заявил Карамболь.

– Ах, так! Значит, ты обманул меня, ... и коней, как я понимаю, конечно же, здесь никаких нет! ... это была всего лишь уловка, приманка! Ты прознал про мою слабость, воспользовался ей и хитростью заманил меня в своё логово! Ах ты, негодяй, ... мерзкий, подлый жулик, спрятавшийся за маской лести и благодушия! Да кто же ты такой на самом деле, и что тебе от меня надо? – с неподдельным негодованием возмутилась Мария, осознав, что маркиз её нагло обманывает. От её прежнего наваждения не осталось и следа, пелена колдовского забвения спала с её глаз. Однако это нисколько не смутило Карамболя, а лишь привело его в ещё больший раж.

– Ты хочешь знать кто я, и что я задумал на твой счёт? Ну что же, слушай, ... вообще-то ты мне особо и не нужна, ... не ты, а твоё королевство главная моя цель! Взяв тебя в жены, я со временем заполучу в нём всю власть, стану королём и мне будут поклоняться! Ха-ха! Ты же станешь для меня всего лишь забавной игрушкой для веселья и утех. Я понимаю, твоя участь незавидна, ... но что уж тут поделать такова моя воля! – ехидно хохоча, заявил ей маркиз.

– Да не бывать этому никогда! Я ни за что не стану твоей игрушкой, каким бы ты властным ни был! Ты мне противен и отвратителен! Более того, мне нравится совершенно другой человек, ... и чтобы ты ни делал, я никогда не соглашусь выйти за тебя замуж! Уж лучше погибнуть в когтях летучих мышей! – решительно топнув ножкой, строго воскликнула принцесса.

– Ну, это мы ещё посмотрим, ... не согласиться она, ... подумаешь нравится ей другой! Тоже мне отговорка! Да это всё равно кто тебе там нравится, ... стоит мне только заставить твоего отца дать согласие на наш брак, как ты тут же подчинишься, ... и никуда ты не денешься! А уж заставлять-то я умею! Я сегодня же отправлю королю прядь твоих обворожительных волос и послание, в коем потребую от него под страхом твоей смерти незамедлительного разрешения на наше венчание! И я думаю, разрешение поступит безотлагательно, а иначе в другой раз я отошлю ему уже часть твоей милой ручки! Скажешь это жестоко, ... но он сам виноват, нечего было доверять свою дочь стороннему человеку, выдавшему себя за принца, да ещё и отпускать её с ним! Кстати, об этом я ему тоже опишу, пусть знает, какой он глупец! Ну а пока он не пришлёт мне своего согласия, ты будешь сидеть в подземелье замка! И не вздумай бежать, мои летучие сторожа везде тебя найдут, ... теперь они знают твой запах, и ты от них никуда не скроешься! И ещё, ... в доказательство всей серьёзности моих намерений, своё послание к королю, я отправлю с твоим любимым жеребцом, ... пусть это будет ещё одним знаком того что ты находишься в полной зависимости от меня и я могу делать с тобой всё что захочу! Пусть король знает, что я не намерен шутить, и пойду на всё, чтобы только добиться своей цели! Думаю, тебе это понятно? – всё так же нагло и бесцеремонно спросил принцессу Карамболь.

– Да, мне-то это всё понятно, ... но вот только ты никак не возьмёшь себе в толк одного, что тебе, тёмная ты душонка, никогда не добиться от меня любви, ... я никогда не полюблю тебя, ты мне просто отвратителен! – ещё строже и решительней сжав кулаки, ответила ему Мария.

– Ха-ха! Да на что мне твоя любовь! Из неё шубу не сошьёшь и коня не купишь! Какая чепуха эта любовь! И кстати, что же это за человек такой, что так запал к тебе в душу, кто же этот счастливчик? Ну, наверняка какой-нибудь бестолковый герцог или же надутый барон! Ведь вы принцессы любите всё пышное и блестящее, вам всё сиятельных вельмож подавай! – издевательски хохоча, спросил маркиз, и резким движеньем сбросив с себя маску, надменно и холодно посмотрел принцессе прямо в глаза. Его бесчувственный сквозящий призрачным взгляд привёл её в ужас. Карамболь смотрел на неё так, словно он палач, вззирающий на очередную жертву.

– Нет, это не герцог и не барон, ... и это не такой же холодный лжец как ты, ... в его глазах нет столько льда и ненависти, сколько ты таишь в своей душе! В его взгляде лишь тепло и доброта, ... и уже только за одно это я готова провести с ним вместе целую вечность. И чем больше я сейчас говорю с тобой, тем дороже и ближе он мне становится. В его взгляде лишь тепло и доброта, ... и уже только за это я готова провести с ним целую вечность. И чем больше я сейчас с тобой говорю, тем милей и ближе он мне становится. Ах, если бы он мог теперь же оказаться здесь рядом со мной, я бы сказала ему, насколько я была не права тогда при нашей с ним первой и последней встрече, ... ну зачем я так глупо себя вела. Его тот пронзительный взгляд до сих пор не выходит у меня из головы, я многое бы сейчас отдала, чтобы вновь увидеть его. Но тебе этого не понять, в твоих глазах блестит лишь холод власти и наживы. И тебе теперь ничего со мной не сделать, я навсегда останусь верна только ему ... – чуть загрустив о прежней встрече, разоткровенничалась Мария.

– Ну, ладно! хватит лирики! разведа тут сентиментальность! Хочешь разжалобить меня? ... не выйдет, а ну-ка отправляйся в темницу, довольно нытья! – услышав столь искреннее признание, гневно вскричал маркиз, и грубо толкнув принцессу в бок, указал ей на дверь в подземелье. Злость ещё больше обуяла его разум, глаза его выкатились из орбит, и теперь он стал похож на страшного чёрного демона. Мария была вынуждена подчиниться ему и последовать в узилище. Но злодей Карамболь времени зря не терял, и до того как принцесса успела войти вовнутрь, он выхватил из ножен спрятанный кинжал и хладнокровно срезал у неё прядь её чудесных пшеничных волос.

– Вот теперь точно всё, ... сиди здесь и жди, когда я позволю тебе вернуться домой ... – ехидно рявкнул он, и резко впихнув бедняжку в темницу, быстро запер за ней дверь. На небе светила яркая луна и лишь тонкий лучик её света пробиваясь сквозь маленькое окошечко под потолком, давал возможность принцессе разглядеть, где она очутилась.

В то же мгновенье снаружи над этим оконцем замелькали зловещие тени летучих мышей и еле слышно зашелестели их перепончатые крылья. Сторожа заступили на своё дежурство. Однако принцесса, невзирая на это, чуть по привычке, стала осваиваться в своём новом жилище, ища в нём хоть какую-нибудь зацепку, чтобы сбежать.

Карамболь же тем временем быстро разжёг факел, увёл скакунов в стойло и, взобравшись к себе в логово, на главную сторожевую башню замка принялся писать подмётное послание королю. Злодей долго и упорно над ним корпел, и всё же под утро оно было готово. В нём маркиз в угрожающей форме изложил все свои главные требования и притязания, о коих ранее он уже говорил Марии. Послание получилось страшное и угнетающее. Карамболь хорошо знал, как пишутся такие пасквили, уж в этом-то он был изощрённым мастером.

Затем он вывел из стойла жеребца принцессы, приладил к нему на самое видное место конверт с письмом и, вскочив на своего вороного скакуна, отвёл жеребца подальше от замка, проводил его за лес и отпустил на волю. Хитрец прекрасно понимал, что приученный к дворцовому стойлу жеребец дальше и сам, без лишней помощи, найдёт дорогу обратно домой, и столь верным способом доставит послание в руки тому, кому оно предназначено, а именно королю.

И ведь всё так и случилось. Жеребец, предоставленный самому себе, быстро нашёл нужную ему дорогу и ранним утром, едва забрезжил рассвет, вернулся в свою конюшню. А вернувшись, тут же вызвал живейший интерес у придворного конюха.

– Ну, надо же, ... да это же любимый скакун принцессы, ... и как же так, ... он пришёл один, и без неё! ... – протирая глаза от спячки, ошалело пролепетал он, оглядывая фыркающего жеребца. Разумеется, конюх тут же обнаружил конверт с посланьем, схватил его дрожащими руками, и, снося всё на своём пути, живо помчался к королю. А тем временем король с королевой, даже не заметив, что их дочери всю ночь не было во дворце, преспокойно почивали в своих покоях. Ворвавшийся к ним конюх в сию секунду поднял такой переполох, что стены дворца задрожали.

– Ваше величество вам письмо! Ах, если бы вы знали, кто его доставил! Случилась какая-то нелепица! – с порога закричал он, бешено размахивая конвертом.

– Что? Что ещё за такое? Эх, недотёпа, ... да говори же ты скорей, что там случилось, кто что доставил? что за спешка такая? Докладывая быстрее! – не совсем ещё понимая, что происходит, взволнованно воскликнул король, поднимаясь с постели.

– Скорей просыпайтесь ваше величество! Принцесса пропала! Её жеребец только что вернулся на конюшню, ... но один, без неё! А письмо это я нашёл привязанное к его седлу! Читайте же быстрее, быть может, разгадка в нём! – призывно запросил конюх, вручая пакет королю. Бедняга давно уже служил при дворе и был по-домашнему близко привязан к принцессе, а потому её судьба очень тревожила его. Король тут же разорвал конверт и с нетерпением стал читать посланье. По мере его прочтения он становился всё мрачней и мрачней.

– О, ужас, ... нашу доченьку, нашу лапушку, похитил злодей колдун, ... это он вчера представился благодетельным принцем, ... о, горе нам! Негодяй держит её у себя в замке и требует отдать бедняжку себе в жёны, ... в противном случае он грозит погубить её. Позовите ко мне, моих советников, ... будем решать, что делать дальше. ... – дочитав письмо до конца, печально заключил король и, понуриив голову, горько зарыдал. Королева, услышав такое, тоже залилась слезами. А уже буквально через несколько минут все монаршьи покои заполнились понабежавшими отовсюду слугами и советниками.

Весть о похищении принцессы мгновенно разнеслась по всему дворцу. Никто не остался безучастным к внезапному горю, охватившему королевскую чету. Ну а не успевшие ещё разъехаться гости карнавала, различного рода маркизы, герцоги, принцы и бароны, были готовы прямо сейчас же броситься на спасение прекрасной принцессы, и лишь незнание того, где злодей её держит, помешало им это сделать.

А тем временем совет у короля набирал обороты, и как это бывает в таких случаях, сложилось множество мнений. Кто-то советовал объявить колдуну войну, кто-то позвать на помощь старого мага, что жил отшельником в горах, кто-то просто хотел подождать, в общем, советовали всякое. И вот, когда солнце уже полностью взошло, мудрецы не найдя ничего умного, решили что для спасения принцессы будет лучше всего пойти на поводу у злодея и согласиться с его требованиями.

Меж тем известие о трагическом происшествии с принцессой стремительным вихрем облетало всё королевство. А ближе к полудню уже каждый житель страны, будь то пекарь, пасечник или же пастух с дальнего стойбища знали о страшном горе, постигшем монаршею чету. Не обошло это известие и художника Ингвара. Он после того неудачного написанья портрета впал в унынье, замкнулся в себе, не ел не пил, а только и делал, что сидел у себя в мастерской и думал о принцессе. С того рокового дня он больше так ни разу и не брал в руки кисти с красками, он просто голодал.

Но вдруг именно сегодня утром он в первый раз за всё время раздумий решил выйти из дома и купить немного молока с хлебом. И едва он оказался на ярмарочной площади, как к нему тут же подошла бабка молочница и рассказала всё то, что случилось во дворце этой

ночью. И про похищение принцессы, и про совет мудрецов, и про то, как король решил сдаться на милость колдуну. Такое известие, словно молнией поразило Ингвара. Бедняга едва удержался на ногах, услышав такое. Сразу же забыв, зачем он пришел на ярмарку, Ингвар схватился за голову и побежал обратно в мастерскую. Сотни горестных мыслей в мановении ока заполнили его разум.

– Ах, боже мой, какое несчастье, ... неужели я уже больше никогда не увижу принцессу, ... этого не может быть, ... наверняка в случившемся есть и моя вина, ... ну как же я мог тогда так поступить, ... почему же я не справился со своей задачей... – взволнованно размышлял он. Ничего толком не соображая, совершенно не понимая, что с ним происходит, Ингвар машинально вбежал в мастерскую и, не отдавая отчёта своим действиям, тут же схватился за кисти.

– Эх, ну где же тут мои краски, ... где моя палитра! Ну, куда же я всё это задевал?! Где же они?! – громко восклицал он, собирая по всем углам разбросанные им в минуту отчаяния принадлежности. Он уже нашёл почти всё необходимое, вот только холстов так нигде и не было. И тогда Ингвар быстро набрав на палитру разных красок начал водить кистью просто по воздуху, мысленно воображая, будто он рисует на большом полотне.

– Так, ... вот здесь будет её лицо ... здесь её локоны, ... а тут уголок улыбки ... – бормотал он про себя, намечая контуры портрета принцессы. И внезапно каким-то странным образом прямо в воздухе остался висеть первый мазок краски, он просто парил в пространстве. Затем за него зацепился ещё один мазок, потом ещё, и ещё, и вот у Ингвара получился уже целый ряд красочных штрихов зависших посреди мастерской. А он, словно это так и должно быть, не замечая ничего необычного, всё продолжал и продолжал их наносить.

И вскоре у него, штрих за штрихом, мазок за мазком, стал вырисовываться самый настоящий портрет Марии плавно парящий в воздухе. Однако то был не плоский портрет как на холсте, а объемный, словно реальный образ. Ингвар быстро ходил вокруг него и прерывисто добавлял всё новые и новые штрихи. И вот уже появились голубые глаза принцессы, её тонкие брови, её нежный лоб, белоснежная улыбка, и даже кокетливая ямочка на щеке вышла великолепно будто натуральная.

А Ингвар всё никак не мог успокоиться, на него впервые за долгое время снизошло столь яркое вдохновение, и он теперь был полностью подчинён только ему. Он творил и творил ни на секунду не выпуская из рук палитру и кисти. Такого магического написания портрета свет ещё не видел, происходило настоящее чудо. Руки Ингвара беспрекословно подчиняясь его воле, послушно укладывали краску на непревзойдённый портрет принцессы.

Не прошло и получаса, как он был практически готов. Однако Ингвар и не собирался останавливаться, он упорно продолжал писать. Он изображал Марию точно такой, какой запомнил её тогда в день его мрачного, незабываемого провала. Но только теперь всё было по-другому, прежнего трепета, дрожи и нерешительности, не было и в помине. Ингвар уверенно закончил правое плечо, быстро взялся за левое, и уже было стал переходить к запястью, как вдруг принцесса внезапно моргнула, и тут же широко раскрыв глаза, изумлённо посмотрела на его руки. Ингвар отпрянул в сторону и, затаив дыханье мгновенно замер.

То, что произошло дальше, было как в каком-то волшебном сне. Маленькие разрозненные мазки краски невероятным образом слились в общее целое и лицо принцессы ожило. Тут же сами по себе проявились её очертания, её талия, а затем и вся фигура. Неожиданно свет в мастерской померк и в то же мгновенье Ингвар очутился в подземелье замка Карамболя, и лишь тоненькая струйка света, падавшая на принцессу из окошечка под потолком, говорила, что всё это не сон, а происходит на самом деле.

– Где я? Что случилось!?! – вопрошающе воскликнул Ингвар, безотчётно продолжая держать в руках палитру и кисти, всё произошло так быстро, что он даже и не успел их выпустить.

– Этого не может быть, ... ну надо же, ... ты здесь, ... да как такое возможно! – вторя ему, вскрикнула принцесса и, вскочив с места, стала осматривать и ощупывать его. Ингвар в свою очередь оторопело смотрел на неё и даже не смел шевелиться.

– Принцесса вы ли это? Может я сплю, ... наверное пока я вас рисовал, то от голода потерял сознание и вы мне кажетесь, ... я так давно ничего не ел что это вполне возможно, ... говорят такое бывает... – не найдя ничего лучшего что сказать, смущённо пробормотал он.

– Да нет же, тебе это не кажется, ... и голод тут твой не причём! Ах ты глупенький, ... просто я так долго и упорно думала про тебя, и так хотела, чтобы ты оказался рядом со мной, что ты взял и появился! Видимо я волшебница! – весело пошутив, откликнулась Мария, и в порыве радости даже обняла Ингвара.

– Нет же, я не верю, ... да как такое может быть, ... чтобы ты – принцесса, ... и обняла меня! Да если бы такое случилось наяву, то это было бы просто невероятно, ... ну хотя бы потому, что ты капризная и взбалмошная девушка, которая любит лишь себя и своих лошадей... – ещё не до конца прейдя в себя, поразился Ингвар.

– Ну да, ... я была такой, ... но только теперь я другая! Ты пойми, ... ведь я после того приёма во дворце много всего передумала, и осознала, что дальше так жить нельзя! Нельзя всю жизнь прикрываться маской капризности и взбалмошности, чтобы прятать своё истинное лицо! Пора проявить свои настоящие качества и становиться такой, какая я есть на самом деле, ... хватит быть безответственной папенькиной дочкой, постоянно умалчивающей о своих чувствах! Надеюсь, ты понимаешь, о чём я говорю, ... и я больше не собираюсь скрывать, что тогда, при первой нашей встрече, ты мне очень понравился! Ну а сейчас, побыв в плену у злодея, я окончательно убедилась, что ты мне просто необходим, что мне без тебя плохо, и что я, быть может, уже почти влюбилась в тебя... – покрывшись лёгким румянцем, чуть кокетливо призналась принцесса.

– Так ведь и я тебя люблю! Я как тогда увидел тебя, так сразу же и полюбил, ... всей душой, всем сердцем, ... и, к сожалению именно поэтому я тогда так и не смог нарисовать тебя, ... не совладал с нахлынувшими чувствами. Но зато сегодня, узнав о твоём похищении, я быстро примчался к себе в мастерскую и в одно мгновение изобразил твой портрет, ... и притом обошёлся без холста, написал его прямо в воздухе! И надо же, он превратился в тебя настоящую, ... очевидно, я так же страстно, как и ты, хотел увидеть нас обоих вместе, ... и вот я здесь, и рядом с тобой! А, кстати, в каком таком месте мы находимся? – постепенно начиная осознавать, что же всё-таки произошло, поинтересовался Ингвар.

– Эх ты глупыш, ... всё ещё не сообразил, что мы сидим в подземелье замка у колдуна похитившего меня! На карнавале этот хитрец притворился принцем и обманом заманил меня сюда. Всю ночь я пробыла здесь, дрожа от шороха и шелеста крыльев летучих мышей. Эти злобные существа стерегли меня. Но сейчас уже утро и они наверняка улетели в свои гнёзда спать, ... однако придёт вечер и они вновь вернуться. И тогда они точно учуют тебя, а учуяв, поднимут шум и нам несдобровать, они могут просто закусать нас до смерти! – быстро пояснив положение вещей, взволнованно заметила принцесса.

– Так что же нам теперь делать? Ну не сидеть же здесь до вечера и дожидаться пока нас загрызут какие-то там летучие мыши! Надо быстрее выбираться отсюда и бежать, ... вот только я, пока не зная как это сделать, ... эх, надо подумать... – наконец-то положив на пол палитру с кистями, сморщив лоб, произнёс Ингвар.

– Послушай, ... а может нам и думать-то ничего не надо, ... раз уж ты смог нарисовать меня такой, что я стала реальной, так может ты, таким же образом и нарисуешь ключ от этой двери, что разделяет нас от свободы! Мы откроем её и пока колдун отсыпается, сбежим, ... постараемся побыстрее добраться до дворца, а там расскажем всем об этом негодяе и где он скрывается! Отец тут же прикажет разделаться с ним! Но прежде чем сбежать и целыми невредимыми добраться до дворца, нам надо позаботиться о том, чтобы летучие мыши не полетели

по нашему следу! Колдун предупредил меня, что они теперь знают меня и мой запах, а потому найдут меня где угодно и загрызут. Правда я не уверена, что такое возможно, ведь это же всего лишь мыши, ... а ты как думаешь, может такое быть? – неуверенная в угрозах маркиза, сомневаясь, спросила Мария.

– Ну, насколько я знаю природу этих животных, такое может быть, ведь летучие мыши они же, как вампиры из старых страшных сказок, идут по запаху крови человека. Но ты их особо не бойся, и на них можно найти управу и их можно обмануть. А вот что касается ключа, то это я могу попробовать, ... тут ведь главное, представить себе каким он должен быть... – успокоив Марию, уверенно заявил Ингвар, и быстро взяв в руки кисти с красками, стал прямо в луче света бьющего из окошечка рисовать ключ от дверей темницы. И надо же такому быть, у него это ловко получилось. Мазок за мазком и ключ послушно завис в воздухе. А едва Ингвар сделал последний штрих, как он с громким бряцаньем тут же упал на каменный пол.

– Ой, потише пожалуйста, ... а то чего доброго разбудим колдуна, ... или что ещё хуже его летучих мышей... – опасливо ойкнула Мария и быстро подняв ключ с пола примерила его к замку. Он оказался в самый раз. Вставив ключ в замочную скважину, принцесса легко его провернула, и дверь тихонько отварила.

– Ура, мы на свободе... – радостным шёпотом возликовала она.

– Ну и куда теперь?... я ведь даже не знаю, где мы находимся... – в полголоса спросил её Ингвар.

– Зато я знаю, иди за мной, ... и не забудь прихватить свои краски с кистями, ... вдруг они нам ещё понадобятся... – предупредительно заметила Мария, и ребята осторожно выбрались наружу. Мгновенно сообразив, в какой стороне ворота замка, Мария аккуратно прикрыв за собой дверь в темницу, направилась к ним.

– Вон оттуда я вчера приехала, ... значит, туда нам и надо идти... – на ходу шепнула она Ингвару. Шаг за шагом и ребята быстро очутились возле ворот. На удивление они были не заперты. Видимо Карамболь, упоённый своей победой отправляясь спать, даже и не удосужился их закрыть. И это пошло на пользу ребятам. Ловко проشمыгнув в зазор между створками ворот, они тут же оказались снаружи.

Но это было лишь полдела, теперь им предстояло как можно быстрее добраться во дворец. И вот здесь-то у них начались непредвиденные трудности. Почти сразу, едва ребята успели отбежать от замка на безопасное расстояние, как начался проливной хлёткий дождь. Вода с небес с такой силой обрушилась на них, что им пришлось немедленно остановиться и спрятаться под первым попавшимся раскидистым деревом.

– Ну вот, будем теперь ждать, когда дождь прекратится... – расстроено заметила Мария.

– Ничего, ... всё лучше, чем сидеть в подземелье, ... тем более что это ливень, и наверняка он быстро закончится... – ободряюще откликнулся Ингвар. И ведь оказался прав, это действительно был не простой дождь, а самый настоящий ливень, который спустя мгновение перерос в грандиозную грозу с громом и молнией. А это было ужасно. Гром грохотал с невероятной мощью, и ребятам порой казалось, что они прямо сейчас оглохнут. А молния так близко была рядом с ними, что складывалось впечатление, будто она целится прямо в то самое дерево, под которым они прятались. Однако вскоре, гроза, так же как и все грозы на свете, быстро пошла на убыль. Выглянуло яркое солнышко, появилась радуга, а над лесом поднялся лёгкий белёсый туман от испарений влаги.

– Да, не повезло нам, ... мало того что промокли так ещё и всю дорогу размыло, ... тут теперь ни на одном коне проскакать... ни пешком пройти, ... везде сплошная грязь, ... и как же мы во дворец попадём... – видя что натворила кругом гроза, сокрушённо заметила Мария.

– Не беда, не отчаивайся, ... по-моему, это нам только на пользу будет, ... есть тут у меня одна мысль! Смотри сколько густого тумана после грозы осталось, ... а что если я его вместо белой краски использую! А ты мне в этом поможешь, ... сгоняй туман сюда на поляну, а я

из него попробую для нас коня написать, ... уж такой-то скакун везде пройдёт! – бодро заявил Ингвар, и тут же взмахнув кистью начал собирать капельки тумана в единое целое. Взмах ещё взмах, и вот уже стала вырисовываться лошадиная холка, грива, а за ней и вся голова.

– Ой, смотри-ка, а ведь у тебя, получается! – радостно воскликнула Мария и бегом кинулась сгонять свежие облачка тумана на поляну. Ингвар только успевал их скорей собирать и укладывать в новые очертания крупного белого жеребца. С каждым последующим взмахом кисти скакун всё больше и больше приобретал знакомые контуры. Прошло ещё несколько мимолётных мгновений, и на поляне вдруг очутился самый настоящий конь, но только сотворённый из белоснежного облака тумана. Он, также как и прочие жеребцы, фырчал, раздувал ноздри, и бил копытом стремясь быстрее пуститься в путь.

– Ну, принцесса садись скорей! Скачем домой! – весело скомандовал Ингвар и, подставив Марии руку, помог ей вскочить на коня. Конь громко фыркнул и, мотнув головой, призвал своего творца последовать за принцессой. Ингвар не заставил себя долго ждать, и быстро убрав за пазуху палитру с кистями, ловко вспрыгнул ему на загривок. В ту же секунду облачный жеребец рванулся с места и понёсся вперёд, будто он уже заранее знал, в какой стороне расположен королевский дворец. Ингвар был прав, такому коню и дороги не надо было, он, словно птица летел над землёй, лишь изредка касаясь её своими копытами. Ребята были в восторге от такой скачки, они даже радовались, что прошла сильная гроза, ведь она им сильно помогла.

6

Однако зря они так бурно радовались. Их восторг был недолог. Ведь эта гроза помогла не только им, она сделала доброе дело ещё и Карамболу. От грохочущих раскатов грома он резко проснулся, и вмиг, почувствовав нечто неладное, поспешил проверить свою пленницу.

– Всё ли у неё в порядке, ... не затопил ли ливень подземелье... – на бегу бормотал маркиз. И спустившись вниз, он тут же обнаружил темницу пустой, а обнаружив, пришёл в ярость.

– Ах ты дрянная девчонка! Я беспокоюсь, а она сбежала! Спутала все мои планы! И ведь никто её не остановил! А где же мои летучие сторожа? Я их, что просто так кормлю? Где эти бестолковые мыши? – громче раскатов грозы закричал Карамболь.

В это мгновение он стал похож на самого настоящего колдуна, ярость до неузнаваемости изменила черты его лица. Жилы на его шеи взбухли, глаза выкатились из орбит, а брызги пены изо рта летели в разные стороны. От прежнего его маркизьего лоска не осталось и следа. Карамболь стремительно метнулся к старой заросшей мхом башни, где летучие мыши устроили себе логово.

– А ну поднимайтесь ленивые бестии! Хвати спать! Принцесса сбежала! Немедленно летите за ней! Найдите её и не дайте уйти! Кружите над ней и задержите до моего прихода! А я вас вскоре нагоню! – злобно размахивая руками, вопил он, поднимая стаю заспанных летучих мышей в воздух.

Мыши мгновенно поняли, что от них требуется, и тут же взяв след, шумной ватагой кинулись в погоню. Сам же Карамболь метнулся к своему вороному коню, чтобы тут же последовать за ними, благо скакун был неподалёку в стойле. Вмиг вскочив на него, маркиз бросился в дорогу. Но едва конь сделал несколько резких скачков, как его ноги тут же разъехались и он вместе с Карамболом повалился на землю. Ливень к той поре так размыл дорогу, что удержаться на ней было просто невозможно, и даже мощные подковы скакуна не помогли ему.

– Чёртова гроза! Да чтоб ей пусто было! Какая досада! – сквернословя и ругаясь, орал во всё горло Карамболь, натужено выбираясь из-под коня. Теперь ему уже ничего не оставалось делать, как только залезть на самую высокую башню замка, и лишь оттуда, злобно кряхтя и бормоча, наблюдать, как его коварные летучие слуги выполняют своё предназначение.

А они, тем временем успев выследить принцессу по её запаху, сейчас неслись за ней и Ингваром, усиленно стараясь их нагнать. Но куда там, небесный жеребец ребят летел словно молния, разом преодолевая своими белыми копытами немислимые расстояния. Однако

в какой-то момент Ингвар с Марией всё же заметили несущихся за ними преследователей, и это открытие вынудило их летучего скакуна прибавить скорости. Но ведь и мыши были летучие, а уж в искусстве летать им равных нет. Ловко уворачиваясь от всевозможных препятствий они быстрыми серыми теньями стремительно неслись за беглецами. И как бы они ни старались, нагнать облачного скакуна им не удавалось.

Прошёл уже час преследований, и, казалось бы, Ингвар с Марией уже совсем оторвались от них, и до дворца оставались сушие пустяки, как вдруг случилось непредвиденное. Полуденное солнце взошло так высоко и так сильно стало прогревать воздух, что туман, который после грозы ещё какое-то время оставался, начал быстро испаряться и таять, а вскоре он вообще развеялся. Ну а вместе с ним, разумеется, растаял и облачный скакун, он просто исчез, растворился. И ребята, на всём ходу пролетев по инерции ещё несколько метров, врезались в землю, благо она была влажная и смягчила их падение.

– Ну, вот и всё, приехали! Теперь нам далеко не уйти! Они быстро нагонят нас и закусуют! Ах, как обидно, ведь до дома уже рукой подать! Что же делать?! – моментально вскочив на ноги, с горечью воскликнула принцесса.

– Ничего-ничего! Вспомни, я же тебя предупреждал – не бойся их, ... сейчас мы проведём этих летучих грызунов! И сделаем это быстро, ... я тебя просто спрячу за надёжной защитой, ... и они не заметят тебя! – задорно усмехнувшись, ответил Ингвар, и недолго думая, выхватив из-за пазухи кисти с красками начал прямо на Марии рисовать разноцветные цветы.

Не прошло и нескольких мгновения, как принцесса была уже вся порыта сотнями ароматных бутонов. Тут были и пышные пионы, и душистые жасмины, и алые розы, и сочные маки, и даже яркая сирень с фиалками. Все они производили такое благоухание, что невозможно было определить: то ли ты в оранжерее стоишь, то ли по саду гуляешь. Самой же принцессе из-под цветов и видно-то не было. Она сейчас больше походила на огромный разноцветный букет душистых растений, нежели чем на юную девушку. И это сходство с букетом спасло ей жизнь.

Подлетевшие к ней преследователи тут же были сбиты с толку. Вроде бы, только что здесь стояла принцесса, и им оставалось лишь схватить её, как вдруг на тебе; ничего кроме большого сильно пахнущего цветами куста на поляне и нет, одни цветы да трава. Ну а на Ингвара они даже и не взглянули, ведь насчёт него никаких приказов от Карамболя не поступало. Сделав ещё несколько кругов над поляной и обнюхав все её закутки, мыши, так и не учуяв, принцессы, понеслись дальше, пытаясь уже наугад обнаружить беглянку. И едва они скрылись за верхушками деревьев, как ребята, облегчённо вздохнув, скорей продолжили путь.

– Ну, я же тебе говорил, что мы их проведём! Теперь эти летучие бестии ни за что на свете не найдут тебя! Твоё спасение в цветах, ... и я готов их для тебя каждый день рисовать! – радуясь избавлению от погони и восхищаясь ароматно-цветочным видом Марии, восторженно воскликнул Ингвар.

– Ну а я готова каждый день их от тебя принимать! Главное, чтобы ты всегда был рядом со мной, ведь нам так хорошо вместе! А по возвращении во дворец, я намерена тут же просить батюшку, чтобы он немедленно готовил нам свадьбу! Я знаю, сам ты об этом никогда не попросишь, ... настолько ты скромный и деликатный, ... а потому я возьмусь за это дело. Думаю, ты возражать не станешь! – сразу приняв инициативу на себя, настойчиво заявила Мария.

– О нет, я возражать не стану! Делай всё, как ты находишь нужным, ... ты принцесса и тебе решать, ... уж в придворном этикете ты лучше меня разбираешься. А моё дело кисти да краски, ... вот это моя стихия, этим я и буду заниматься, ... главное, что мы будем вместе... – согласно откликнулся Ингвар и они, нежно взявшись за руки, поспешили во дворец, а до него им оставалось всего-то ничего.

А меж тем в самом дворце стояло грустное унынье и горькая печаль. Оно и понятно, кому же захочется выдавать свою доченьку за лживого алчного колдуна. Король ходил из угла в угол по тронному залу и покорно ожидал своей участи. Но вдруг со стороны улицы раздался

ликующий гомон и весёлые крики. Это люди, увидев как из леса в сопровождении художника, выходит с ног до головы усыпанная цветами Мария, подняли такой переполох.

– Ой, смотрите-ка, принцесса вернулась! Цела и невредима! Её наш художник привёл! Ах, какая же она раскрасавица в этом цветочном наряде! Наш Ингвар избавил её от колдовства! Значит и мы все спасены! Слава Ингвару великолепному! Ура принцессе! – восторженно кричали люди, сопровождая влюблённую пару во дворец, а то, что пара была влюблённая, сомневаться не приходилось. Король, услышав эти крики, не смог удержаться и быстро выбежал ребятам навстречу.

– Отец! Я вернулась, я дома! И всё это благодаря Ингвару, он вызволил меня из плена, и теперь я стану его женой, ... благослови нас! – сходу бросившись в объятия отца, запросила Мария.

– А я и не возражаю! Радость-то, какая! – только и ответил счастливый король, крепко обнимая любимую дочь. И что же тут сразу началось, радость и веселье, в одно мгновение охватили весь дворец. А принцесса тут же, ни от кого ничего не скрывая, во всеуслышание стала рассказывать, как всё произошло: как лукавый притворщик захватил её, как она горевала в подземелье, и то каким волшебным способом Ингвар её спас.

Король как услышал всё это, так сразу же приказал своим стражникам идти в старый замок и схватить Карамболя, а схватив немедленно посадить в подземелье. Тайна лживого маркиза была раскрыта, и теперь всем его мерзостям пришёл конец. Ну а чтобы его летучие слуги – злобные мыши, никому и никогда больше не докучали, король повелел завести в замке армию котов. Так всё и получилось, Карамболь был изловлен, схвачен и заточён в подземелье. Он и сейчас там сидит в окружении сотни сторожевых котов, а старый замок теперь носит название «Кошачий».

Следующим же повелением короля, по просьбе принцессы, было назначение даты свадьбы. А чтобы надолго это дело не откладывать, торжество решили провести в ближайший погожий день. Пригласили гостей всевозможных, и простых, и вельможных. Позвали и баронов отважных, и ремесленников важных, и послов светлых из королевств советных, и задорных друзей из соседских волостей. Приехали все, и графы верховые, и герцоги лихие, и гончары мастеровые, и кузнецы удалые.

И даже тот самый принц-охотник, за которого Карамболь себя выдавал, тоже пожаловал. Да не один, а со своими родителями, королём и королевой. Они, как от надзора шарлатана-маркиза избавились, так сразу же объединились и все вместе жить начали. А принц себе ещё и невесту среди придворных дам приглядел, и даже за государственные дела взялся. Народ в его королевстве это сразу почувствовал, и люди лучше зажили; свободней, привольней и благополучней.

Вот сколько всего положительного и хорошего совершил Ингвар своим геройским поступком. Ну а вскоре слава о его волшебном подвиге облетела все королевства на свете. Люди стали к нему относиться как к доброму магу-чародею и с большим уважением почитали его невероятные способности. А он отвечал им взаимностью и помогал всем страждущим, творил для них свои изобразительные чудеса. И вот за эти чудеса люди стали называть его волшебным художником.

– Был наш Ингвар «великолепный», а стал «волшебный»! – хвалился народ, восхищаясь его искусством. Так с тех пор и повелось, как у кого какая забота неразрешённая появляется, так тот сразу же к Ингвару и отправляется. А уж они вместе с принцессой Марией обдумывают, как тому помочь. И ведь помогали, никому не отказывали.

– Раз нам хорошо, то мы сделаем так, чтобы и другим было лучше... – неоднократно говаривали они. И это высказывание со временем стало их повседневным девизом. Так они и зажили, своим честным трудом и добрым прилежаньем, людям помогать, да счастье с благостью на Земле приумножать...

Конец.

Сказка о прекрасной княжне Даше и загадочном художнике Пьере

1

Все те события, о которых дальше пойдёт речь, сущая правда. А случились они в той самой расчудесной столице мира, где каждая улочка, каждый парк и даже каждая частичка воздуха пропитаны любовью. И так уж вышло, что произошли они как раз в тот год, когда строительство знаменитой ныне башни, названной именем её творца, было завершено, и она предстала во всей своей красе перед взором мировой общественности. Разумеется, не всем современникам она пришлась по вкусу, и они тут же поспешили раскритиковать все те изыски и новшества в архитектуре, какие применил её талантливый создатель для её возведения. Но это не умаляет то великое значение, какое приобрело его творение для влюблённых всех стран и народов, став символом города любви и романтики.

Ну а не так далеко от этого изящного символа любви и великолепия французской столицы расположился квартал с поселившимися там молодыми и, как это зачастую бывает, бедными художниками. Вот в нём-то и обитал наш герой, а звали его Пьер. Это был светловолосый юноша, роста выше среднего, с исключительно стройной осанкой. Многие из знакомых Пьера отмечали это качество его фигуры. Такая военная выправка и прямая поступь были у Пьера неспроста.

Будучи ещё совсем молодым подростком, он покинув отчий дом в провинции, не найдя там себе ничего достойного, в поисках лучшей доли отправился на армейскую службу в колонию за море. В жаркую страну, защищать интересы своего государства. Однако Пьер пробыл там недолго. Почти через год его военной службы в одной из стычек с берберами его ранили в голову.

Но ранение оказалось не таким серьезным, как это изначально предполагалось, и имело больше психологическое значение, нежели чем физическое воздействие. Сабля противника рассекла кожу на лбу Пьера, при этом лишь вскользь задев кость. Рана зажила быстро, и из всех внешних изменений остался только шрам над бровями, который Пьер умело наловчился прикрывать бархатной повязкой. Да и то со временем он отказался и от неё, а шрам превратился в узкую светлую полоску на его загорелом лице.

Проведя месяц в полевом госпитале Пьер, выписавшись, покинул чуждый ему континент, и тем самым закончил карьеру военного. Имея кое-какие средства от службы в армии, и получив компенсацию за ранение, он поселился в столице и предавался наслаждениям городской жизни. Отдыхал, слегка кутил, но в основном обожал пешие прогулки.

И вот как-то, после дивного обеда, гуляя по прекрасным аллеям городского благоустроенного парка, ранее звавшегося «лес Рувр», а ныне ставшего местом отдыха и развлечения жителей столицы, Пьер вдруг ощутил невероятное желание отобразить всю красоту и очарование этого парка на холсте. Толи настроение у него было романтическое, толи погода повлияла, неизвестно. Но скорей всего виной такому желанию был тот психологический эффект, какой случился у него после ранения.

Так что у Пьера от армии остался не только шрам и исключительная выправка, но ещё и непреодолимая жажда к творчеству. Как знать, если бы не тот бербер со своей сабелькой, стал бы Пьер художником. Да, и ещё, конечно же, от армии у него остались его замечательные усы. Ах, какие это были усы, по-армейски холёные, пшеничного цвета, заливчатски по-гусарски закрученные, старательно ухоженные прелестные усики. Они так гармонично сливались с его белозубой улыбкой и голубыми глазами, что многие женщины, увидев Пьера на прогулке, просто теряли голову и сходили по нему с ума.

А вскоре после той памятной прогулки, Пьер, обзаведясь всеми необходимыми для художественных работ принадлежностями, перебрался в недорогой квартал художников. Там его сначала восприняли настороженно, но спустя какое-то время, заметив его дружелюбие и безобидность, стали относиться к нему как к своему.

На первых порах он поселился в непрезентабельной мансарде чердака, с которой открывался поразительный вид на весь квартал. Выбрав для себя полностью устраивающий его по уровню жизни уголок города, Пьер был очень этим доволен. И хоть его скромное жилище было скудно обставлено и для картин не хватало места, он и этому радовался настолько сильно, что постоянно напевал себе в усы весёлую песенку, да ещё и пританцовывал.

А внизу, между домами находилась небольшая, но милая площадь с магазинчиком и уютным кафе. По вечерам, когда солнце садилось, и повсюду загорались газовые фонари, перед ним предстала сказочная картина. Тысячи ламп, брызгами своих огней, наполняли узкие улочки квартала, освещая ночную жизнь. В окнах домов района также начиналась своя жизнь, свои истории, свои приключения, всё преобразалось и манило своей романтикой.

В те чудесные времена жили дружно и открыто, ничего не скрывая друг от друга. И Пьер, вдохновлённый красотой и открытостью ночного города, часто делал зарисовки с натуры. А потом делился своими наблюдениями с другими молодыми художниками, собиравшимися внизу на площади в кафе. Это было излюбленное место встреч всех начинающих художников ближайшей округи.

Они собирались там всегда, и утром, и вечером, и зачастую засиживаясь далеко за полночь, так и продолжали свои бурные творческие споры с дискуссиями, в коих каждый новичок мог с жаром отстаивать свою точку зрения. И уж тогда к обсуждению подключались практически все жильцы соседних домов. То весело шутя, то критикуя, а то и восхищаясь картинами с эскизами, они проводили так многие ночи напролёт.

Пьер же, вдохновлённый аурой этого чудесного места, выполнив серию натуральных набросков, также подключился к жизни квартала и начал принимать, хотя сначала и робкое, но в дальнейшем активное участие в этих ночных захватывающих дух обсуждениях.

В течение краткого срока уровень его мастерства повысился как по волшебству. Многие более опытные художники, ставшие к тому времени Пьеру уже хорошими друзьями и товарищами, посоветовали ему устроить личную выставку. Однако Пьер в силу своей природной скромности и недостаточной уверенности в себе отказался от этой идеи и с удвоенной энергией взялся творить.

А уже через месяц в его работах угадывался замечательный мастер, сравнимый разве что с выдающимися соиздателями эпохи Возрождения. Его картины стали выделяться из общей массы своеобразной игрой красок и отличительным колоритом. Предметы, животные, природа, люди, да абсолютно всё, казалось настоящим. Его полотна были, словно живые и светились изнутри, а более впечатлительным людям, смотревшим на них, они внушали благоговейный трепет.

Появились и первые почитатели его таланта, нашлись и желающие приобрести его картины. Также постоянными гостями ночных собраний были знакомые Пьера из той части художественной богемы, что в последствие стали именоваться импрессионистами. Однажды, собравшись все вместе в кафе, они, осматривая картины Пьера, выставленные на всеобщее обозрение, даже зааплодировали и дружно выразили свой восторг.

– О! Импрессио! Импрессио! Манифик! – завосклицали они, а после, назвав его волшебником кисти и выпив с ним ещё ни одну бутылку вина за его искусство, расходясь по домам, взяли с него обещание быть им другом навсегда.

Обрадованный столь лестной похвалой Пьер сразу же зазнался, и с первых же удачных продаж купил себе для важности цилиндр, сюртук и трость с набалдашником из слоновой кости. Да и тут же отправился на вечернюю прогулку по своему любимому парку. Все, и дамы

и юные девицы, что были на аллеях, сворачивали себе шеи, оглядываясь на такого-то щёголя. А одна милая всадница, в модном костюме амазонки, элегантно гарцуя на кауром рысаке, так загляделась на Пьера, что едва не выпала из седла. Обратив внимание на столь бурную реакцию окружающих, Пьер, покручивая свои роскошные усы, конечно же, задрал нос и с наслаждением оперной дивы, которой рукоплещет весь зал, упивался своим триумфом, продолжая гордо шествовать.

И всё бы ничего, и быть может этот вечер так и остался для него триумфальным, но не тут-то было. На следующие утро, взяв в руки кисти, краски и холст, он не смог сделать ни единого мазка. И не то, чтобы у него дрожали руки или же не поднялась кисть, но только не смог он и всё тут!словно какая-то невидимая стена вдруг возникла между ним и мольбертом. Стоит он напротив холста, хочет нанести первый мазок и уже даже знает, как картина должна выглядеть, а сделать ничего не может, сил нет.

Постоял так Пьер час, другой, да и пошёл, как был в тот самый парк, где вчера так весело куражился. Пришёл, сел на лавочку под дуб широкий и заплакал. Ничего не понимает, что случилось, куда сила ушла. Посидел, поплакал, вроде успокоился и опять побрёл по аллеям гулять. Но уже не так, как прошлым вечером, вычурно задравши нос, а по-обычному, по-простому, как всегда это делал. Идёт, солнышко светит, небо голубое, люди кругом, но только они теперь на него внимания не обращают, идут себе тихо, степенно и не оборачиваются. Нагулялся Пьер, пришёл домой и тут его, словно кто под локоток толкнул.

Он даже и, не перекусив, хотя и очень голоден был, сразу же к мольберту кинулся. И ещё до вечера картина, какую он задумывал, была готова. Да картина-то, какая получилась, просто загляденье. Краски живым светом отливают, радугой светятся, словно музыка звучит, глаз не оторвать. Сел Пьер напротив, смотрит на неё и радуется. Тут-то и понял он, что не в куражах и деньгах счастье. Сколько бы их у него не было, хоть все богатства мира, но только зачем они ему, коль искусства лишают. Осознав ошибку, Пьер глубоко вздохнул, улыбнулся, растянулся на кровати и заснул блаженным сном.

2

Проспав всю ночь, словно младенец, утром Пьер встал бодрым и отдохнувшим. Быстро подойдя к окну, он резко растворил его и, набрав полную грудь свежего утреннего воздуха, замер в приятном томлении. И вдруг в тот миг он неосознанно заметил, как в доме напротив, в окне, где уже давно никто не жил, мелькнул стройный девичий силуэт. Остатки сна, какие в нём ещё теплились, мгновенно улетучились, их просто как ветром сдуло.

А ещё через мгновение, окно, на которое он уставился, открылось, и в проёме появилась белокурая девушка несравненной очаровательности. Сказать, что она была красива, это значит, ничего не сказать. Глаза цвета изумруда, обрамлённые ресницами с крылышко бабочки, и алые, словно спелая малина губы, подчёркивая её изящный носик, придавали светлому лицу девушки первозданную гармонию божества.

Пьер, накинув на себя первое, что попало ему под руку, стремглав скатившись по ступеням лестницы, тут же помчался в кафе узнать последние новости. Вбежав в дверь, ещё запыхавшись, он тут же бросился с расспросами к хозяйке кафе княгине Светлане. Ведь это распахнутое окно, было именно от той комнаты, что принадлежала ей. Когда-то давным давно княгиня, приехав в Париж из далёкой славянской страны, приобрела это маленькое уютное заведение, и со временем обжившись в нём, так и осталась.

– Что это за чудо там, в окне?! – столкнувшись со Светланой у стойки бара, выкрикнул Пьер, будто выпалил из пушки.

– Ха-ха, ... да ты сначала сядь, отдохни, выпей кофейка... – смеясь над его взбудораженным видом, ответила княгиня, и тут же наливая ему кофе, добавила.

– Впрочем, я так и знала, что ты её заметишь, ... это моя младшая кузина, княжна Дарья, ... вчера поздно вечером приехала. Там у неё дома что-то не заладилось, какие-то неприятно-

сти, ... но сейчас это уже неважно, ... я и вникать-то не стала, что там да как, ... потом разберёмся. В общем, она пока поживёт у меня, а дальше видно будет. Я её поселила в комнатке для прислуги, ... как раз напротив твоих окон... – всё так же весело улыбаясь, пояснила Светлана.

– Ты представишь меня ей... – не в силах присесть от волнения, взмолился Пьер.

– Хм, ... такого как сейчас? Да ни за что! Ты только посмотри на себя, как ты выглядишь, растрёпа, ... вот наведёшь порядок, тогда и поговорим... – недовольно хмыкнув, ответил Светлана, и Пьер уже было рванулся бежать к себе наверх прихорошиться, но не успел, княгиня остановила его.

– Да постой ты торопыга, ... поешь хоть сначала, ... ведь Дарья всё равно пока ещё с дороги отдыхает... – ласково предложила она.

– И то, верно, ... что-то я проголодался... – согласился Пьер, и послушно плюхнулся на первый попавшийся стул.

– А давай-ка я тебе омлет с круассанами сделаю... – заботливо предложила княгиня и, не дав ему, опомниться, поспешила на кухню. Оставшись один, Пьер попытался наспех привести себя в порядок. Растопырив пальцы, словно граблями, он стал старательно расчёсывать свою включенную шевелюру. Притом одновременно, как и подобает истинному гусару, взялся ловко подкручивать свои прелестные усики. За этим-то забавным занятием его и застала внезапно вошедшая в кафе княжна Дарья.

Весь, покраснев от смущения, и даже шрам на его лбу сделался пунцовым, Пьер мгновенно застыл, съёжился, и отчего, разумеется, сразу приобрёл глупый вид. Даша, увидев перед собой столь незадачливого юношу, тут же прыснула весёлым смехом.

– Ой, простите меня, пожалуйста, ... не могу остановиться... – сквозь смех обратилась она к Пьеру, стараясь хоть как-то сохранить остатки приличия. Пьер же от такого конфуза вообще перестал дышать, выкатил глаза, да ещё и рот открыл. Отчего княжна пуще прежнего залилась звонким сочным смехом, который уже стал больше походить на неудержимый хохот. И ещё неизвестно чем бы всё это кончилось, если бы с кухни не вернулась Светлана.

– Да что у вас тут происходит? – строго спросила она на правах старшей сестры. Но взглянув на Пьера, тут же всё поняла. И сама так хохотнула баском, что он, испуганно встrepенувшись, стремглав, словно заяц, выскочил из кафе, тем самым только ещё больше раззадорив девушек. И они, уже абсолютно не сдерживаясь, дав себе волю, хохотали до упада, хватаясь за животики.

Пьер же, одним прыжком взбежав к себе наверх в комнатку, быстро скинул рубаху и стал безостановочно ходить из угла в угол.

– Какой позор, ... какая неудача, ... какой конфуз, ... вот же-шь каналья... – отчаянно чертыхаясь, злился он. Но не прошло и десяти минут как к нему в дверь неожиданно постучали.

– Кто ещё там?! ... не тревожьте меня, ... не до того! ... – не открывая дверь, грубо рявкнул Пьер.

– О, прошу прощения, ... это я, ваша соседка из окна напротив, ... пришла извиниться... – раздался в ответ на его грубость робкий ангельский голосок. Это была княжна Дарья. Она, почувствовав в случившемся свою вину, решила немедленно сгладить неловкое положение. Пьер же услышав её нежный голос, пришёл в ещё большее смятение, и, нервно накинув на себя рубаху, зачем-то бросился искать ещё и домашний халат.

– О, простите, ... я сейчас! ... всего одну минуту! ... – тут же сменив тон, дребезжащим голосом запросил он. Быстро пошарив по углам, и ничего там не найдя, он наспех дрожащими руками причесался и глупо продолжая теревить верхнюю пуговку рубашки наконец-то распахнул дверь. Перед ним стояла княжна, и искренне улыбаясь, протягивала ему руку.

– Вы уж извините меня за столь неуважительное поведение, ... честно говоря, я жалею о случившемся, ... давайте забудем обо всём плохом, и будемте добрыми друзьями... – чуть застенчиво предложила она.

– Да-да, ... конечно, ... ну только кто же через порог руку подаёт... – всё ещё смущаясь, как-то по суеверному пошутил Пьер, и уже было хотел сам выйти навстречу княжне и протянуть ей руку, как вдруг неожиданно споткнулся и со всего маху влетел в её объятия.

Дарья хоть и была девушкой изящной и стройной, но не хлипкой, и с лёгкостью тренированной гимнастки подхватила Пьера. Глупей положения, и придумать было нельзя. Чтобы вот так, хрупкая девушка да поймала падающего юношу, ну это просто нонсенс какой-то. Да ещё Пьер уткнулся ей носом прямо в лицо. Разумеется, их глаза встретились, носы соприкоснулись, и они вмиг, осознав всю комичность ситуации, одновременно, как по команде, разразились заразительным весёлым смехом. И чем больше они смеялись, тем веселей и непринуждённой они себя чувствовали. Вот таким образом, всё разрешилось само собой.

И молодые люди уже без всякой чопорности и напряжённости быстро познакомились. Пьер тут же пригласил Дашу к себе. А она, как только вошла, сразу же, в силу своей девичьей любознательности стала разглядывать его жилище. Ну и, конечно же, моментально наткнулась на его картины.

– Ну, надо же, как необычно, ... какие превосходные цвета, ... какой колорит! У себя дома, там, в России, я последнее время занималась современной живописью, ... но ничего подобного не встречала, ... у тебя явно незаурядный талант... – вмиг оценив, его работы как знаток, восхитилась княжна. Пьер же, польщённый столь приятным для него отзывом, мгновенно воодушевился и тут же с необыкновенным рвением стал рассказывать ей о своих полотнах.

Он, забыв и про голод, и про неряшливый вид, и уже практически полностью влюблённый в Дашу, до самого вечера делился с ней сокровенными мыслями, которые до сих пор ни единому человеку, ни одной живой душе не высказывал. А всё оттого, что у него попросту ещё никогда не было таких людей, которым он мог бы так довериться. Пьер был чист, как первозданный холст, он ни разу в жизни не испытывал столь серьёзных чувств какие у него вдруг возникли к Даше. А поэтому первые штрихи любви по своему холсту невинности, он мог разрешить нанести только ей. Любовь, о которой он вчера ещё и не помышлял, сейчас полностью завладела его горячим сердцем.

Даша же, внимательно разглядывая его полотна, с удовольствием слушала Пьера и всё больше проникалась духом его мыслей. Она и сама не заметила, как увлеклась им. Перед ней теперь вместо невзрачного, как ей сначала показалось, растрёпанного юноши, возник прекрасный в своей духовности художник с богатым внутренним миром. А его шрам на лбу, который он во время рассказа, то прикрывал повязкой, то срывал её в пылу, производил таинственное впечатление. Добавляя Пьеру, дополнительный шарм и давая волю романтическим фантазиям. А спустя ещё какое-то время Даша неожиданно поняла, что искренне влюблена в Пьера, и скорей всего уже навсегда. А от такого открытия ей вдруг сделалось тепло и приятно.

Но незаметно подошёл вечер, и длительная напряжённость разговора взяла верх. Ребята, утомленные, но довольные этим внезапным знакомством, теперь уже влюблённые друг в дружку, спустились в кафе перекусить. А здесь их поджидала княгиня Светлана.

– Ну что голубчики спелись!... – весело поприветствовала она их, – садитесь-ка за дальний столик, у меня как раз жаркое поспело! И давайте скорей, пока не остыло... – потребовала она. И влюблённые беспрекословно повинувшись ей, быстро протолкнувшись среди вечерних гостей кафе, расположились на указанные им места. В ожидании ужина они, взявшись за руки, смотрели друг на друга, и, не обращая никакого внимания на тот сумбур и гвалт, что царил вокруг, нежно трепетали от счастья.

И вот с этого самого вечера они стали неразлучны. Теперь молодого художника и юную княжну можно было встретить во всех романтических уголках столицы. И будь то Булонский лес, или Елисейские поля, они везде и всегда были вместе. Пьер делал изысканные по своей красоте картины. Краски, словно пропитанные их любовью, преображали даже самые неза-

мысловатые сюжеты. Теперь к внутреннему свечению полотен добавилась ещё и одухотворённость всего на них происходящего, так же появился объём и динамика.

Работы Пьера пользовались большим успехом, как и у знатоков живописи, так и у простых коллекционеров. Ему сулили золотые горы и предлагали невероятные богатства, лишь бы он как можно больше писал. Но наученный первым печальным опытом в погоне за деньгами и щёгольством, Пьер, уже зная, к чему это приводит, работал теперь только для души и сердца, да в удовольствие окружающих.

Даша полностью поддерживала его и помогала ему во всех его начинаниях. Они почти слились воедино, настолько гармонично объединила их любовь. Денег больших влюблённые не имели, и жили, довольствуясь тем, что у них водилось. У княжны были свои обязанности в кафе, она вела бухгалтерский учёт. И у неё это так ловко и проворно получалось, что быстро сделав свою работу, Даша практически весь оставшийся день была свободна и уж тогда бегом бежала к Пьеру на его мансарду.

Княгиня Светлана радовалась их такому союзу. Хотя сначала и удивлялась безразличию Пьера к славе и деньгам. Но, восприняв это как некую причуду художника, успокоилась. В конечном итоге гости кафе, прельщённые известностью и картинами Пьера, давали хорошую выручку. А этих денег, им всем хватило бы на долгие годы. Светлана прекрасно понимала, что главное – это безмятежное счастье влюблённых. А потому прикладывала все усилия, чтобы бытовые вопросы их меньше всего касались. И молодые люди вовсе пользовались этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.